

КОНКУРС КОРОТКОГО РАССКАЗА

Фестиваль «Бунинские Озерки» открылся в 2015 году, а уже в 2017 году мы провели первый конкурс короткого рассказа. С каждым годом количество участников становится все больше и больше. Авторы не только из России, но и из Америки, Литвы, Латвии, Узбекистана, Израиля и др. География участников велика.

В этом году нашими призерами стали:

- **I место:** Ирина Васильевна Бауэр;
- **II место:** Гала Александровна Узрютова;
- **III место:** Геннадий Тимофеевич Рудягин.

Мы поздравляем победителей конкурса. Желаем им новых побед в творчестве и вдохновения!

Ирина Васильевна Бауэр

— по образованию архитектор, математик. Занимается преподавательской деятельностью. Член Союза Писателей ДНР и ЛНР (Донецк, Луганск), председатель Донецкого городского объединения Межрегионального союза писателей (МСП). Руководитель литературного объединения, главный редактор журнала «Сундук».

Из дневников Акакия Донецкого
*Январь 2015 г. (голова раскалывается,
соседка что-то орет в распахнутое окно,
обстрелы не прекращаются, ухожу в запой).*

АКАКИЙ СОБИРАЕТ ПАЗЛ

Праздник Крещения не задался. Затылок в затылок, шаг в шаг, дыхание в дыхание ложились снаряды в землю. Сырой, измазанный угольной пылью снег глубоко вздыхал, и нельзя знать наперед, с каким основательным грохотом оживет мина, выпущенная на волю. А тут еще рыжая такса, мой обожаемый Пиксель в иступлении, если не войну отменить, то хотя бы обстрел, оглушает лаем ночь. Высунув мокрый нос из-под одеяла, бранится на каждый выстрел, но при этом жметя к моим ногам, происходящее за окном крадет у него храбрость. В собачьей душе жива великая смелость труса! Залп тяжелый, скрежещущий, ночь царапающий, отвоевывает территорию, как зверь железными иглами, выворачивая землю и небо наизнанку. Не подходить к окнам, не выходить на улицу, повсюду страх.

Странствую по тихим страницам Евангелия. Для меня Крещенская ночь — это великая хода святителей, когда отворяются тайные двери, сшивая небо и землю воедино тонким серебряным шнуром. Как по невесомому мосту спускаются к людям из дивного сада праотцы вершины мироздания, расправив золотые крыла, то и дело вспыхивают развевающиеся знамена, наполняя землю неизъяснимым ароматом. И ты задыхаешься не от сладости, исходящей от митр, багряных хитонов, звездных гиматий, нет — от безмерной любви, которая проливается звенящим потоком на твою голову. Все ближе бронзовеющие лики, Николай, Павел, Матфей, за ними тянется поток свечения — Серафимы и Херувимы. Бог, глазастый, любящий парень, смотрит на нас, людей, дерзких и жалких одновременно. Я люблю видеть звездность, она мягко сияет, до сумасшествия строгая, сказочно-сильная напирает, прогибая тонкий звон колокола. Подернутый прозрачным морозным ветерком город мужественно-строг, и в этот момент так хочется верить в сказку высокого неба, торжественность Божьего промысла. И проповедь Нагорная звучала гордая, во мне.

Под утро в дверь настойчиво позвонили. От недосыпа болела голова, я с трудом соскользнул с кровати, плотно прижав ладони к лицу, стеклянный, густой рассвет подтвердил, я жив.

На пороге стояла незнакомая женщина. Равнодушно глядя перед собой, она вдруг заговорила. Я мгновенно

венно проснулся. Наташка! Ты знаешь, с каким грохотом я собирал чемодан, когда ты бросила меня? Все эти годы я помнил, как мне казалось, запах твоего тела. Наташка из студенческого общежития, нереальных ныне летних вечеров, сытого, обласканного мира без войны! Коса, русая, густая, пахла яичным желтком и крапивой. Невысокая, румянец во всю щеку, улыбочивая, приторно подвижная; молодое, полное сил тело. Я, как последний болван, страдал по тебе, писал записочки в стихах, атаковал у подъезда. Как я любил в тебе смешение жанров: похоть и стыдливость, желание и отторжение, искушенность и наивность. В тебе было все то, без чего я не мог жить. А сейчас передо мной стояла упитанная женщина, раздавленная в плечах, с крепкими мужскими икрами в сапогах цвета серой фольги, в ядовито-зеленой куртке. И только знакомая челка осталась неизменной на щекастом лице. Все остальное чужое, губастое, морщинистое с темными мешочками под глазами.

— Я к тебе за помощью, — сказала она. — Сыграем в игру, Акакий, соберем пазл! — обожгла взглядом. — Ну, соглашайся.

— Почему я?

— Потому, что все остальные отказались. Не думай, не из страха, — торпливо пробормотала, — нет, просто они люди, и этим все сказано.

— А я?

— Ты другое дело, — ответила она. — Кровь для тебя что водичка.

Балкой мы спустились в небольшой ярк, при каждом взрыве угады-

вая направление летящей навстречу смерти, отсиживались в овраге, а когда бой утих, огородами пробрались к единственной уцелевшей стене. Посреди двора жарко дышала огромная воронка. К стене примыкал лаз в подвал, сюда меня и притащила Наташка.

Пахло плесенью, в темноте чадил каганец, незнакомые женщины, сгрудившись, сидели на деревянных ящиках и тихо переговаривались. Мне отвели место. Наташка, с трудом нагнувшись, шарила в ворохе тряпья, сваленного в темном углу. Вскоре она вернулась с коробкой полной игрушек. Сунула мне в руки и поспешно отошла в дальний закут, где заунывно выла обожженная кошка.

— Ждем, — сказала крупная, укутанная в пуховой платок женщина. — Как только все закончится, начнем собирать. Несчастная Наташа совсем умом тронулась.

Я промолчал. Война отучила меня задавать вопросы.

Сырость заползала за воротник, ею пропитаны стены, мое пальто казалось неподъемным. Наташка, обхватив руками голову, уперлась лбом в стену, застыла изваянием на несколько часов.

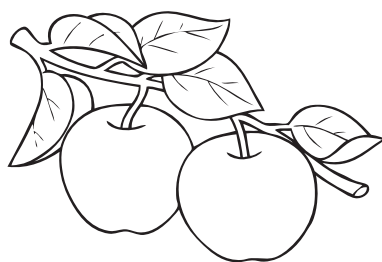
Когда мы выползли во двор, небо напоминало сметанник. Холодок под ложечкой, повсюду сияли дыры, наполненные синей землей, где-то далеко пела шрапнель. Ветер принес запах жженого пластика, самана, печеной человечины. Помеченные красной пылью, сугробы окольцевали деревья. Кровь на заборе.

За горой. За домом с трубой. За балкой, полем, улицей в три тополя жил человек. В коробке лежали самолетика и динозавры. Я вытряхнул их под дерево. Мне казалось, они оживут и вцепятся в сердце пришлому мужику, который распоряжается чужим богатством. Женщины, струдившись у входа в подвал, издали наблюдали за мной. А потом я шаг за шагом кружил по Наташкиному двору и собирал в коробку...

Пальцы. Уши. Руки, что били бабку. Наташкин сын, малыш, кро-

ха, когда-то щебетал, брал игрушки в плен, составляя военные планы. Я собирал пазл из Наташкиного сына, недостающие части тела для похорон. Позже, глядя на мир глазами пришибленной собаки, она ходила кругами у могилы, и не мог я понять — то ли молится мать, то ли просит ангелов небо повысить поднять.

А потом мы пили водку бутылка за бутылкой, и я дрожащей ладонью похлопывал по широкой Наташкиной спине. Вот и весь пазл.

Гала Александровна Узрютова

— прозаик, поэт, драматург, эссеист. Родилась в 1983 году в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет. Живет в Ульяновске. Автор книг «Обернулся, а там — лес» (М.: Русский Гулливер, 2015); «Снег, который я пропустил» (М.: Bookscriptor, 2018); «Страна Саша» (М.: КомпасГид, 2019); «All the names are occupied, but one is vacant» (Canada: Proper Tales Press, 2021). В 2022 году снятый по книге Галы Узрютовой одноименный фильм «Страна Саша» вошел в программу Берлинского кинофестиваля (снят кинокомпанией Vega Film, прокат в России — лето 2022). Член Союза писателей Москвы.

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

— Если на равнину вышла, не оглядывайся, — говорил дед.

Иду и не оглядываюсь. Края страны не увидеть. Материк становится островом, если он кончается. Берег прикармливает реку, выкормить не может. Русло разбухло, и того гляди. На том берегу наливают, на этом — вычерпывают. На равнине река течет ровно. На равнине живешь как на ладони, отчего под вечер хочешь спрятаваться. Локти ни во что не упираются, живи на все четыре стороны.

Пройти равнину нельзя — по ней можно только идти. Здесь я лишь однажды встретила другого человека, но и тот путился в обратную сторону. Поравнявшись, мы ссутулились друг к другу и разошлись. Теперь еще лет сто идти молча. Никто не окликнет. Да я и сама уже не помню своего имени. Помню только: когда меня родили на равнине, назвали не сразу — присматривались. Пустили по полю и смотрели, как пойду — сверну или по прямой. Я шла верно, имя дали мое, чужого не надо. Одного дня хватило, чтобы научиться ходить по равнине. Дед показал, как ноги ставить, бабка — где молоко течет. Первый десяток шла, не останавливаясь, после — засела в затишке, отдышалась — и снова. Потом научилась переходить реку по одному мосту, а там и другие освоила. Нужно уметь переходить реку хотя бы по одному мосту, иначе — идти вброд. Хотя по иному мосту идти — все равно, что вброд. Стоит только сделать шаг на мост, река внизу двигается — жидкий эскалатор, на который встать не успеваешь. Самый длинный в мире, он бежит без тебя, повинуюсь течению, как вдох повинуется выдоху.

Куда ни смотри — равнина не кончается. Утром идешь быстрее, чтобы к вечеру устать, а к ночи — уснуть. Но вечер все не наступал, а ночь — темнее. Дед рассказывал, как шел несколько дней по равнине, а ночи так и не было. Дед пошел обратно, думал, ночь там, но и за спиной она не наступала. Дня через три ему встретился человек, который шел уже одиннад-

цать дней, и тоже ночи не видел. Света было так же много, как равнины. Дед не знал, идет ли он недели или годы — в свете равнина выглядела так же, как в первый день. Чуть закуток, дед прятался — устраивал себе ночь. Не верил, что его ночи лишили. Просьпался, продолжал равнину и снова вверялся свету. Ты мое утро, ты мой день, ты мой свет. Стал о ночи забывать и целиком шел дневным человеком.

В тот день началась пыльная буря, и дед закрыл глаза. А когда открыл, было уже темно. На черной равнине ног не разглядеть. В темноте предчувствие есть, а доказательств — нет. Доказательства дает свет. Делать было нечего, как устроиться под деревом и спать. Дед не мог сказать, точно ли это было три ночи, но ночи три было. Свет дед сразу узнал, когда тот появился. Глаза резало, равнина позеленела. Иди — не хочу. Ноги за три ночи затекли от темноты, быстро не взяться. Возвращаясь, дед никогда не говорил о равнине. Повторял только, что свет там — особенный. Нигде такого света не видел, добавлял он и уходил в дальнюю комнату.

Может, деду тогда показалось, и того длинного дня не было? Если идти по равнине, ночь все-таки наступит. Не может не наступить. И я иду, и день со мной. Равнине нет конца — свету есть, куда падать. Дело идет к ночи, но ночь снова не идет. Что если всегда будет день? Никогда не думала, что может так понадобится темнота. Равнина — моя, здесь никого. Тогда чьи это шаги за спиной? Но дед говорил: не оглядывайся. Я и не оглядываюсь, шаги сти-

хают. Я часть дня, я сама иду — день. Длится день, длюсь я. Длюсь на все четыре стороны. Мне даже мало дня. День кидается под ноги и летит в руки, я хватаю его ртом и выдыхаю. Вдыхаю дня больше, чем выдыхаю. В одном таком шаге уместается день — раньше в нем не было и часа. Наступи сейчас ночь, я бы еще месяца три шла в свете, так много его за пазухой. Но ночь не появляется. Пройди я еще полгода, смогу ли вынести столько света?

Шум за спиной возвращается, когда я о нем забываю. Не оборачиваюсь, иду, перемалываю ногами день, возделываю шагом равнину. Дед говорил: не оглядывайся. Будешь верной равнине — она выведет. Иди. Но шум приближается. Так шумит темнота. Так она подходит. Она научилась ходить по равнине гораздо раньше меня. Устроил равнину — пусти сначала свет, потом — темноту и только затем — человека. Иду и не оглядываюсь. Шаги за спиной усиливаются — идут как дождь, одного шага от другого не отличить. Но стоит остановиться — за спиной снова тихо. Смотреть на равнину. Пока не оглянусь, ничего не произойдет. Дед всегда возвращался с равнины с другими глазами и молчал. Сразу шел в свою комнату. Проспав несколько дней, он выходил на работу, съев тарелку супа. Сколько я ни спрашивала, что увидел на равнине дед, когда обернулся, он только повторял: не оглядывайся.

Я не оглядываюсь, но шаги все ближе. Легкие и громкие, они то пускают свет справа от меня, то затихают, то звенят галькой, то тормозят

волны, хотя реки в этой части равнины нет. Как нет в этих шагах никакой логики, смелости или усталости. Я пуштаю свет и воздух, на равнине легко принять одно за другое. Кто-то трогает мое правое плечо. Машинально отмахнувшись, я почти оборачиваюсь, но дед говорил: не оглядывайся. Смотреть вперед, принадлежать только равнине, идти быстрее. Быстрее. Еще быстрее. Плечо снова трогают. Смотреть на равнину, дышать глубоко. Глубже. Но когда плеча касаются третий раз, я оборачиваюсь. За спиной стоит мальчик лет пяти и смотрит на меня так, будто это его единственная возможность посмотреть мне в глаза. Он молчит и не щурится, хотя свет падает на лицо. В его глазах нет вопроса или просьбы заговорить — только отражение меня и равнины. Единственное, чего он ждал с тех пор, как родился, — чтобы я оглянулась. Теперь, когда я смотрю на него, мальчик понял: я знаю, — это он шелестел галькой и волнами за спиной. Это он играл светом, направляя его то на равнину, то на мою шею, отчего в горле было горячо. Это он не ответил бы ни слова, задай я ему хоть один вопрос. Убедившись во мне, мальчик идет по равнине в обратную сторону, зная, что я буду смотреть на него часами, пока он не исчезнет на горизонте.

Дед говорил: не оглядывайся.

Геннадий Тимофеевич Рудягин

— родился в городе Моздок Северо-Осетинской АССР, выпускник сценарного факультета ВГИКа; лауреат Всероссийских литературных конкурсов имени В.М. Шукшина «Светлые души» и имени В.И. Белова «Все впереди», автор книг прозы, изданных в США, в Канаде и в России; проживает в США, штат Мэриленд, город Роквилл.

ПЕНЕК

Ну вот... На ветках городских топей лопнули почки, и прошлой ночью где-то невысоко кричали возвратившиеся домой дикие гуси...

Еще денек-другой, и родная деревня наденет весеннее платье — в садах зацветут белым и розовым фруктовые деревья, зазеленеет вдоль улиц молодая трава.

— Петька-а! — закричит девочка Таня Шамотина. — Беги сюда, дядя Проша приехал!

И звонкий голосок ее облетит враз примолкшую нарядную деревню. И следом за быстроногим Петькой придет и еще кто-нибудь. Придет Захар Кудряшов с женою Верой. Примчится, наверное, и юная Настя Дударкина — местная Ассоль, которая, к отчаянию местных парней, вот уже несколько лет после окончания школы никого из них не признает, а все ждет какого-то придуманного принца.

А вот Валя Ткачева не придет. Не поняли в свое время Прохор с Валентиной друг друга. Он убежден, что

Валентина его не дождалась со службы в армии, где и служил-то он всего два года; она — что Прохор в нужное время не попросил ее руки. Теперь Валиному сыну скоро девять лет, а Прохор — все еще один.

Конечно, не придет. Даже если и захочет, то не пустит муж — грубый, дерзкий, не деревенский. Однажды он уже подсовывал под нос Прохора свой мохнатый кулак: «Видал? Покалечу!» И что с того, что Прохор тогда сам его чуть не покалечил? Что толку с того? Валя давно чужая жена.

А когда-то она так любила Блока читать!

Мгновенье — в зеркале старинном

Я видела себя, себя...

И шелестила платьем длинным

По ступеням — встречать тебя.

«Встречать тебя»! Неужто этого, с мохматым кулаком?

И все же и ей надо что-нибудь привезти. Или лучше какой-нибудь конструктор или игрушечный пистолет ее сынишке...

М-да!.. А вот Настя Дударкина по таким ступеням не побежит к кому попало. Эта или дождется придуманного принца, или останется до конца своих дней вековухой. Эту лохматой лапой не возьмешь — молодец девчонка, молодец! В этот раз Прохор привезет ей, кроме привычных подарков, фото Витьки Кудескина. Есть у него такой добрый парень-сосед. Тоже ждет. Свою Ассоль. Хорошо б, чтоб получилось у них все. Уж очень редки стали в жизни случаи таких вот

терпеливых ожиданий. Так хочется, чтоб ожидающим везло...

Ну, а мать, конечно, спросит про личную жизнь, про Майю:

— Когда ж поженитесь? Перед людьми не стыдно нерасписанными жить?

А Прохор скажет:

— Да не подходим мы друг другу, мама.

А мать удивится, спросит:

— Как же так?

А Прохор промолчит. Он, как и прежде, промолчит. Хоть, как всегда, захочется сказать:

«Мам, а сосватайте мне кого-нибудь из деревенских!»

Ну, не совсем кого-нибудь, конечно. Какую-нибудь хорошенькую молодницу. Он же их здесь никого уже не знает — десять лет, как в городе живет. А ровесницы давно повыходили замуж. А молодежь давно не для него. Пусть даже вдову какую, пусть даже с детьми... Он же давно хочет стать счастливым мужем и отцом. Он ведь по сути своей — деревенский пенек. С мыслями о крепкой хорошей семье, о рассветах в огороде или в саду за дружной слаженной работой. О счастье видеть взросление дорогих детей, о любимой нежной жене...

А городская Майя... Независимая и красивая. Майя стала откровенно встречаться с перспективным бизнесменом, своим начальником. Красивая, она хочет и жить беззаботно-красиво. Без каких-либо проблем.

— Дура ты, Майя, — грустно сказал ей на прощанье Прохор. — Дура душой.

— А ты — деревенский пенек! — весело ответила ему она.

И все. Как вроде ничего между ними и не было. Сошлись, разошлись. Как курица с пробегающим мимо петухом...

В этот раз Прохор ехал в свою деревню с единственной мечтой — не возвращаться. Остаться дома навсегда. Его беспокоило только одно — дальнейшая жизнь Вали Ткачевой... или как она там теперь именуется по мужу. Не подумает ли он, этот муж, что Прохор возвращается из-за нее. В таком случае у Вали никакой жизни не будет...

Ему бы теперь надо срочно жениться, чтоб не дразнить деревенских гусей. Или, хотя бы для виду, приехать не одному, а с женщиной. Пусть бы все подумали, что у него нет в этом плане проблем и надежд на Валию... Но ехать было не с кем, и все проблемы были налицо.

На ночном городском вокзале Витька Кудескин горячо пожал Прохору руку, засмутился и сказал:

— Так вы уж, если понравлюсь Насте, позвоните по мобильнику, пожалуйста!

— Ты ей понравишься, — ответил Прохор. — Я ее немного знаю. А поехали вместе!

— Не могу. У меня предзащита диплома. Вот если понравлюсь...

— Завтра же тебе позвоню! — пообещал Прохор.

И поезд тронулся.

И осталось Прохору только разложить на верхней полке вагона подарки для друзей и их детишек и пораз-

мышлять о своей жизни пять долгих часов езды.

В темные окна вагона застучался ниоткуда взявшийся весенний дождь. Прохор уставился туда с тоской и с надеждой, пытаясь хоть что-то в этом мраке ночи разглядеть. Но видел там только отражение своего печального лица...

Мгновенье — в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням — встречать тебя.

— Скажите, пожалуйста, вы вот тот гарнитурчик в коробке брали в «Детском мире» или в универсаме?

Прохор глянул на ласковую женщину, которая об этом спросила, и обмер: вот оно счастье! И так близко, напротив сидит...

— В «Детском мире», — сказал он. Молодая женщина улыбнулась:

— Для девочки лучшей забавы и не придумать!

— Вы так думаете?

— Нет. Знаю. Там же и спальня, и кухня, и прихожая — комфортабельная квартира в миниатюре. Со звоночком в двери и с телефоном у кровати.

Она говорила, а Прохор не знал, что ответить. Он никак не мог понять, почему она ему такая родная. Он же видит ее в первый раз. Или где-то видел уже. Или это все сон.

— А вон в той коробочке что? — опять спросила ласковая женщина.

Во рту у Прохора стало сухо.

— Модель самолета, — сказал он, откашлявшись. — Это я соседскому Петьке везу...

— А это — конструктор, — угадала улыбчивая женщина.

И Прохор снова покашлял.

— Верно, — сказал он. — Вы в этих штуках хорошо разбираетесь...

— А я воспитателем работаю, — кивнула ставшая родной женщина. — В детском саду.

— В селе? — с надеждой спросил Прохор.

— В райцентре. В наших селах теперь детсадики нет.

— А в селе не хотели бы жить?

— С удовольствием! Я родом-то из деревни.

Прохор знал, что ее полюбил. Не сейчас. Нет. Давно, на всю жизнь. Но где и когда?.. Вот только б она была незамужней. Пусть с детьми, только чтоб...

— А дети у вас есть? — начал он с этого.

— Пока нет, — застеснялась она. — Мы всего месяц, как поженились, — и кивнула на дремавшего у противоположного окна человека...

На станцию Прохора поезд прибыл в шесть утра. Дождь шумел по-настоящему весенний. В шесть часов три минуты (Прохор посмотрел на ручные часы)... в шесть часов три минуты, размазывая по окнам апрельские слезы, состав двинулся дальше. Прохор стоял на мокром перроне с подарочными коробками и кулками в руках и соображал, каким путем ему вернуться в город — обратным по-

ездом или идти на автобусную остановку. Потому что это уж точно был конец всему — и надеждам, и мечтам, и сложившемуся было порядку в беспокійных прежде мыслях...

Человека три, сошедшие с ним, разошлись, подбежала радостная Настя-Ассоль.

— А понавез-то, понавез! — зашебетала она, выхватывая из рук

Прохора пакеты. — А чем порадуешь меня?.. С Майечкой, что ли, конец? Что молчишь, печальный принц? Я же все уже знаю!

А Прохор смотрел и молчал. Смотрел и молчал. Потому что, наконец, понял причину своей скоропалительной любви к случайной попутчице — у той на подбородке была Настина веселая ямка.

